Глава 85

Амон оттолкнул молодого человека рядом с ним. Он покачал головой: «Нет, это не случайность. Я принес хлыст для этого шахтера. Лорд Хардедеф, вы говорили об инспекторе. Я предполагаю, что это относится ко мне, не так ли? Я уже проверил урожай сезона. Выход соответствует требованиям. Я не приказывал шахтерам извлекать больше. Поэтому я не понимаю, о чем вы говорили сейчас. Вы подразумеваете, что именно я заставил вас бить шахтеров кнутом? Если это так, я действительно должен взять этот хлыст ».

Ложь Хардедефа была выставлена перед всеми шахтерами в мастерской и священниками. Он выглядел довольно смущенным, но правда в том, что он просто повредил инспектора своим хлыстом. Он предпочел игнорировать то, что только что сказал Амон, и продолжал извиняться: «Пожалуйста, простите мою грубость, мистер Амон. Я был в ярости от неуклюжести этих грязных рабов. Этот ленивый раб только что разрушил драгоценный парагон. Я просто дал ему несколько ударов хлыстом, чтобы разбудить его».

Амон все еще сердился. Он упрекнул главного охранника: «Никто не может гарантировать успех каждый раз, когда добывает парангон из руды. Это нормально, чтобы время от времени наносить урон. Почему ты так злишься?»

Хардедеф указал на шахтеров: «Мой дорогой инспектор, я боюсь, что вы не знаете личности этих людей. Это рабы фараона. Они происходят из города Дюка в Хетте, который является местом, отвергнутым богами. Они прокляты и заброшены богами! Они, их предки и их потомки, предназначены для горняков, порабощенных богами. Для них большая честь получать хлысты из благородной руки! »

Амон собирался успокоиться, но вспыхнул, когда сквозь него вспыхнул гнев, когда он услышал слова Хардедефа. Он посмотрел на главного стража резким взглядом и холодно сказал: «Итак, теперь я должен чувствовать себя чествованным!»

Хардедефу было довольно неудобно смотреть на Амона, но он не понял, что случилось. Он осторожно ответил: «Мистер Амон, хотя на данный момент у вас нет благородного титула, как инспектора, вас очень уважают на горе Хориб. Никто не сравнит вас с этими грязными рабами».

«Вы потеряли самообладание, лорд Хардедеф. Будучи воином шестого уровня, я все еще был ранен вашим хлыстом. Как вы ожидаете, что такой слабый шахтер, как он, сможет противостоять этому? Возможно, вы бы его убили! Они не преступники, а шахтеры. Они зарабатывают себе на жизнь своей силой и навыками. Они должны быть удостоены чести за свою работу, а не ваших хлыстов. Вы вместо этого ничего не сделали, чтобы заслужить свой титул. Вы не можете называть их этими пренебрежительными словами!»

Мария послала Амона на гору Хориб по какой-то причине. Именно там были размещены выжившие жители Дюка. Амон не знал, почему они были здесь, но он был ужален гневом от слов Хардедефа. Молодой дворянин не только оскорбил этих шахтеров, но и их кланы и предков, включая его отца. Как мог он, как семнадцатилетний, мириться с такой провокацией?

Однако Хардедеф ничего не знал об истории Амона. Для него это был инспектор, который искал у него неприятностей. Он тоже был раздражен: «Мистер Амон, вы решили стоять под моим хлыстом. Как воин шестого уровня, вы жалуетесь, что воин того же уровня может легко ранить вас? Я предлагаю вам спросить себя, почему вы не узнали больше боевых искусств, чтобы защитить себя. Я должен напомнить вам, что ваши предыдущие слова очень грубы по по

отношению к благородным!»

Напряжение в комнате было ощутимо. Жрецы не знали, что сказать. Они знали, что у Хардедефа был плохой настрой. Он был стремительным и раздражительным, с ним очень трудно было ладить. Он часто ругает и наказывает своих слуг и рабов в шахте. Проблема была в том, что жители Дюка были рабами фараона, а не его! И фараон дал четкие указания, что эти люди являются собственностью Империи. Никто не должен причинять им вред без приказания фараона.

Хардедеф часто проклинал этих горняков, но никогда не бил ни одного из них. Никто не знал, почему он сегодня впал в ярость и решил выгнать шахтера. Если бы Моисей был убит, ему грозило серьезное наказание. Хотя он вряд ли мог заплатить своей жизнью, он наверняка потеряет свой пост здесь, что было уже результатом его прежнего безрассудства.

Амон понятия не имел о прошлом Хардедефа. Он тоже был в ярости. Он обернулся и взял молот Моисея, обошел мастерскую и нанес удар по каждой наковальне. Все были шокированы, потому что инспектор прекрасно добыл парангоны из всех руд на наковальнях. Какая удивительная техника! Амон не использовал посох, как маг. Он просто добыл парангоны молотом, как и другие шахтеры, которые уже показали свою личность.

По сути, Амон сделал это с трудом. Он вернулся к Хардедефу, с испариной на лбу и подергиванием вены. Он сказал каменным голосом: «Вы видели? Я тоже шахтер из Дюка! Я хотел бы спросить вас: как вы квалифицируете оскорбление жителей Дюка и технику Дюка этими пренебрежительными терминами?»

«Ты оскорбляешь мою семью, моих предков, моего отца и моего учителя. Теперь я прошу дуэли с вами, благородный воин. Согласно закону, я должен попросить вашего разрешения, и я возьму на себя ответственность за все возможные результаты. Лорд Хардедеф, ты спросил меня, почему я не узнал больше боевых искусств, чтобы защитить себя. Теперь вы можете принять мою просьбу, чтобы вы знали, какие боевые искусства я узнал».

В египетских законах существовали правила относительно поединков между воинами. Простолюдину было позволено просить поединок с благородным воином. Поединок мог быть осуществлен только с разрешения благородного воина и в присутствии свидетеля. Простолюдин был ответственен за любую травму, даже если он был благородным воином, который был ранен. Правила оказались несправедливыми, но они по крайней мере предлагали простолюдинам достойный и законный способ публично отомстить дворянину.

Ярость Амона уменьшилась после извлечения парангонов молотком. Он просто спокойно сказал запрос с насмешкой. Хардедеф был совершенно возмущен. Указывая на ворота, он сказал: «Давайте делать это снаружи. Вы можете выбрать любое оружие, которое вам подходит».

Амон покачал головой: «У меня оно уже есть». Он помахал молотом в руке, что только усилило ярость Хардедефа.

Оба шли бок о бок через ворота. Священники не осмелились их остановить. Это был Павара, который прибыл со своим посохом и попытался остановить бой. Он бросился к ним и схватил их за руки: «Мои дорогие друзья, пожалуйста, будьте разумными. Вам не нужно сражаться за этих низов из Дюка. Почему бы вам не присесть и поговорить? Если бы кто-то из вас пострадал в битве, это было бы катастрофой для горы Хориб!»

Услышав, что Амон был ранен, Павара не спешил в мастерскую. Он еще не понял, что

происходит. Для него, прежде всего, нужно было убедиться, что инспектор в безопасности. Хардедеф не придавал своему начальству большого уважения. Он усмехнулся: «Как благородный воин, я принял просьбу поединка от мистера Амона. Я не имею права отзывать его, если он не отменяет свою собственную просьбу. Я не буду тем, кто вернется к его словам».

Амон отстранил Павару и сказал: «Мой господин, я вырос в Дюке. Я один из тех, кого вы упомянули. Я попросил поединка, потому что он оскорбил мою семью. Но, пожалуйста, не волнуйтесь. Я выиграю его, не причинив ему вреда. Вы пришли как раз вовремя. Пожалуйста, будьте нашим свидетелем!»

Павара хотел похлопать себя по лицу. То, что он только что сказал, добавляло топливо в огонь вместо того, чтобы остановить его. Прежде чем он успел что-то сказать, двое воинов уже стояли перед фронтом в местности за пределами мастерской, окруженной толпой. У Хардедефа уже был серп в руке, в то время как Амон просто нес молот на плече. Было слишком поздно, чтобы остановить поединок.

Павара обнаружил, что единственное, что он мог сделать, это ждать и смотреть в сторону как свидетель. Он также вытащил свой посох. Если кто-то из них был в опасности, он немедленно прекратил бы битву, прежде чем все вышло из-под контроля. Он с тревогой планировал в уме, надеясь найти способ покрыть это. Это дело должно быть разрешено внутри горы Хориб. Он определенно не хотел, чтобы Мемфис знал хоть немного об этом.

Прежде чем он смог найти решение, он услышал голос Амона: «Пожалуйста, объявите поединок, лорд Павара».

Павара вдруг понял, что он был в трансе. Без какого-либо выбора он поднял штат и зажег сигнал. Хардедеф вскочил и бросился к Амону, как стрела. Держа сияющий серп высоко, он не рубил и не ударил, но повернул лезвие серпа в сторону и ударил им по плечу Амона.

Он не совсем потерял рассудок. Он просто пытался сгладить Амона в ходе удара. Но сила и скорость этого удара были не такими, как предыдущий удар хлыста. Это был полноценный удар от воина шестого уровня. Зрители едва успели поразиться. В мгновение ока серп оказался всего в нескольких дюймах от плеча Амона.

Но удивление превратилось в крики, которые затем были покрыты эхом, огромным звоном. Амон остался там, где был, в то время как серп Хардедефа разлетелся двумя кусками. Главный охранник упал на одно колено перед Амоном, чей молот был прямо на его плече. Амон взмахнул рукой, как будто собирался разбить руду. Но он этого не сделал.

Лишь немногие увидели то, что только что произошло. Хардедеф был быстрым, но Амон был еще быстрее. Его реакция была настолько быстрой, что Хардедеф не мог даже отреагировать. Прежде чем серп упал ему на плечо, молоток Амона ударил по колену Хардедефа. Главный охранник немедленно рухнул.

Затем Амон взмахнул молотком и заблокировал серп. Удар был настолько тяжелым, что Хардедеф больше не удержался. Выбитый серп был отправлен в воздух, а затем сломался пополам. Амон затем повернул запястье и слегка положил молоток на плечо Хардедефа.

Павара поспешно крикнул: «Поединок закончился! Амон побеждает!»

Хардедеф, на одном колене, сильно вспотел. Он испугался. Никто не знал лучше, что он был ужасен. Он ясно увидел, как Амон ударил молотком по левому колену. Удар пришел так внезапно, что у него не было времени отреагировать. В то время он думал, что он будет жить с

одной ногой всю оставшуюся жизнь. К его удивлению, не было никакой боли, а причудливый шок, который мгновенно распространился на все его тело. Он почувствовал, что мгновенно потерял все свои силы, и в следующий момент он оказался на одном колене на земле.

Затем Амон взмахнул молотком и ударил его серп. Его рука больше не могла держаться за оружие, отбрасывая его немедленно. А потом еще одна странная ударная волна распространилась от его руки к его телу. У Хардедефа было ощущение, что Амон может убить его в любой момент молотком, и даже Павара не сможет его остановить.

Гнева больше не было. Теперь Хардедеф был наполнен ужасом, как будто на голову вылили ведро с ледяной водой. Голос Амона неторопливо плыл в уши: «Это называется техникой Дюка. Она может открыть руду без ущерба для парангона внутри. Он также может разбросать ваши силы, не повредив ваше тело. Спасибо Матери Исиде. На этот раз я хорошо справился. Лорд Хардедеф, вы признаете поражение? Или вы хотите продолжать сражаться?»

Павара подошел к ним: «Нет необходимости. Как свидетель, я утверждаю, что Хардедеф потерпел поражение в этом поединке!»

Хардедеф, все еще на одном колене, внезапно заговорил: «Я уступаю, мистер Амон!» Затем он замолчал, положив руки ему на колени.

Амон, казалось, все еще немного рассердился. Он повернулся к Паваре и сказал: «Теперь, когда этот воин признал поражение на дуэли, он должен признать свою ошибку и извиниться».

Прежде чем священник повернулся к Хардедефу и попытался убедить его что-то сказать, главный охранник кивнул и ответил: «Мне жаль, что я сказал. Я извиняюсь перед теми, кто был оскорблен моими оскорблениями. Я готов компенсировать свою ошибку. Дайте мне кнут!»

Охранник дал ему кнут. Хардедеф вручил его Амону. Павара побледнел. Он хотел что-то сказать, но решил отойти в сторону. Молодой благородный обернулся и показал ему спину. Амон не притворялся великодушным. Он щелкнул кнутом по спине Хардедефа. У главного охранника не было никаких доспехов, поэтому порка оставила на спине долгий кровавый след, как тот, который он оставил на Амоне.

Павара подошел к ним и сказал: «Это мило, друзья! Задача решена! Как говорят? Из ударов дружба растет. Теперь мы снова будем друзьями!»

Амон уронил кнут и сказал: «Лорды, можем ли мы найти место для разговора? У меня есть некоторые вопросы, чтобы спросить вас наедине».

Оба они сейчас успокоились, и началась мирная беседа. Раны на спине обрабатывали мазью. Павара также совершал исцеляющую магию.

Павара, как главный управляющий шахты, теперь ничего не хотел, кроме мира на горе Хорив. Он приказал своим горничным приготовить хорошую еду и попытался убедить Амона съесть немного. Что касается Хардедефа, его подчиненного, то его отношение было менее приятным. Он упрекнул главного охранника: «Вы должны поблагодарить господина Амона! Существует строгий порядок, в котором говорится, что шахтеры из Дюка не пострадают. Как вы можете это забыть? Этот молодой человек - их начальник. Если бы вы убили его сегодня, вас бы сурово наказали. Мистер Амон действительно спас вам жизнь!»

Амон прервал: «Господь Павара, я тоже шахтер из дюка. Мне было интересно, как эти люди пришли на гору Хориб?»

Павара неловко ответил: «Я понятия не имею, дорогой инспектор. Они были отправлены эскадрой солдат с мыса с приказом фараона. Пожалуйста, простите меня за мою грубость. Я не знал о вашем происхождении. Мне любопытно: как мистер Амон пришел из Дюка?»

Амон ответил без эмоций: «Разве вы не слышали? Я шахтер, который извлек Божью Слезу, которая теперь покрывает вершину скипетра Адоратрицы. Я был сослан в леса, потому что я предложил Божью слезу Богине Исиде без консенсуса из Королевства Хеттеев. Но я также избежал потопа, который разрушил город».

Хардедеф был удивлен: «Вы тот, кто добыл Божью Слезу? Неудивительно, что Адоратрица так высоко ценит вас. Техника Дюка впечатляет. Он победил меня. Прошу прощения за мою безрассудство».

Амон вполне мог закончить эту тему вежливыми словами, но он покачал головой и продолжил: «Лорд Хардедеф, ваше безрассудство может принести бедствие вам и другим. Это не только заставило вас не подчиняться приказанию фараона, но и отразило более опасное предубеждение, которое могло привести вас к более жалкому состоянию».

Хардедеф был поражен. Озадаченный, он спросил: «Пожалуйста, просветите меня! Как это могло произойти?»

Амон спросил холодно: «В какое божестве ты веришь?»

Хардедеф ответил без колебаний: «Конечно, Хорус всемогущий, Царь Богов, великий покровитель Империи Египта. И Мать Исида, которая ...» Он упомянул список богов египтян.

Амон подождал, пока он закончит, и продолжал спрашивать: «Ты сказал сегодня, что шахтеры прокляты богами. Какими богами?»

Хардедеф был взят врасплох. Павара что-то понял. Он отважился ответить: «Это были лишь некоторые неосторожные замечания. Вам не нужно относиться к ним серьезно».

Но Амон не остановился. Он повернулся к Паваре «Хардедеф, возможно, не серьезен. Но, будучи священником и руководителем шахтеров, вы должны относиться к этому серьезно. Пожалуйста, ответь на мой вопрос».

Павара почувствовала, что сильно потеет. Он ответил: «Это боги Ануннаки, которым поклоняются люди Хеттея, Баблона и Асира. Должен признать, что я не очень хорошо знаю историю о Дюке. Многое из этого было просто извлечено из того, что говорили другие люди ».

Амон повернулся к Хардедефу с прямым лицом: «Ты плохо относишься к своим шахтерам из-за отношения некоторых чужих божеств! Вы все еще верите в Хоруса и других божеств, которых вы только что обещали? Я был сослан, потому что я предложил Божью слезу богине Исиде вместо бога Ануннаки. Вы считаете это преступлением?»

Амон просто задавал вопрос нежным голосом, но Хардедефу этот вопрос был еще более страшным, чем удар от молотка. Он больше не мог сидеть. Он оставил свое место и поклонился: «Спасибо, что предупредил меня, мистер Амон. Я был ужасно не прав. Я больше никогда не буду так говорить!»

Амон посмотрел на него и продолжил: «Мой благородный воин, вы должны помнить: даже если они были прокляты богами, вы не те боги и не верующие. Это проклятие не должно быть вашим проклятием! Пожалуйста, подумайте над этим: что, если я или кто-то еще должен был

сообщить об этом храму Исиды или фараону? Что будет с тобой?»

http://tl.rulate.ru/book/2659/183887